

внушает инокам, чтобы они не переходили из келии в келию, при встрече смиренно кланялись друг другу, согласны были уделять часть из монастырского имущества для вспомоществования бедным и со слезами умоляет своих слушателей: всему этому действительно учил преп. Феодосий Печерский свою братию, как свидетельствует Нестор, и учил со слезами. Здесь, наконец, проповедник говорит братии, что их созвала в обитель благодать св. духа и молитва святых богородицы и что бог подает им всё молитвами св. богородицы: такие слова представляются, как нельзя более, естественными в устах преп. Феодосия Печерского, когда мы знаем, что Печерская обитель с самого начала посвящена была пресв. богородице, что и первый храм, находившийся еще в пещере, и второй, воздвигнутый над пещерою, и третий — более обширный, деревянный, и четвертый — великолепный, каменный — все устроены были в честь пресв. богородицы, и что Печеряне всегда почитали ее своею первою и высшею покровительницею¹.

Доводы еп. Макария, первого исследователя литературной деятельности Феодосия, не утратили своего значения и по сегодня: действительно, нет серьезных оснований — пока во всяком случае — сомневаться в принадлежности этих поучений Румянцевского сборника Феодосию Печерскому.

Поучения эти — одни из древнейших памятников так наз. дидактического красноречия Киевской Руси; краткие и безискусственные, они во многом напоминают аналогичные поучения Феодора Студита, византийского церковного писателя VIII—IX вв. Некоторый материал дают они и для характеристики Феодосия Печерского как церковно-политического деятеля второй половины XI в. — не только как писателя; известно, какое большое значение придавал Феодосий введению в основанном им Печерском монастыре студийского монастырского устава: именно в нем искал он опоры в борьбе за независимость своего монастыря и от „клирик софейских“ и даже — в какой-то степени — от княжеской власти; поучения Румянцевского сборника наглядно показывают, как настойчиво добивался Феодосий от братии Печерского монастыря соблюдения всех предписаний этого устава, строгих и суровых; братии монастыря надлежит не только позаботиться о спасении своей души, но и приложить все усилия к тому, чтобы сберечь свой морально-политический авторитет в стране — таков несомненно смысл этих поучений популярного Печерского игумена, если учесть конкретную историческую обстановку, в которой они были написаны.

Текст поучений издаю по древнейшему списку — Румянцевскому сборнику XV в. № ССССVI² Гос. Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (лл. 103—116 об.). Разночтения к основному тексту извлечены мною из следующих рукописей Библиотеки Академии Наук СССР, Лаврского собр.: не отмеченного до сих пор библиографами сборника полууставного письма половины XVII в. № 224 (50), лл. 48—55 об. (А);³ сборника начала XVIII в. № 225 (48), лл. 62 об.—71 (Б); сборника XVIII в. № 226 (47), лл. 62 об.—71 (В); сборника начала XVIII в. № 227 (49), лл. 32 об.—36 (Г). Разночтения к тексту последнего поучения — „о хождении к церкви и о молитве“ извлечены мною из шести списков: четырех лаврских (АБВГ); Златоуста XV в. Гос. Исторического музея № 1779, лл. 70—72 (М) и сборника украинского

¹ Еп. Макарий. Преподобный Феодосий Печерский как писатель. Известия Академии Наук по отд. русск. яз. и слов., т. IV, СПб., 1855, стр. 282.

² Подробное описание этого сборника см. А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, табл. 610—621.

³ Указанием на этот список я обязан проф. П. Н. Попову.